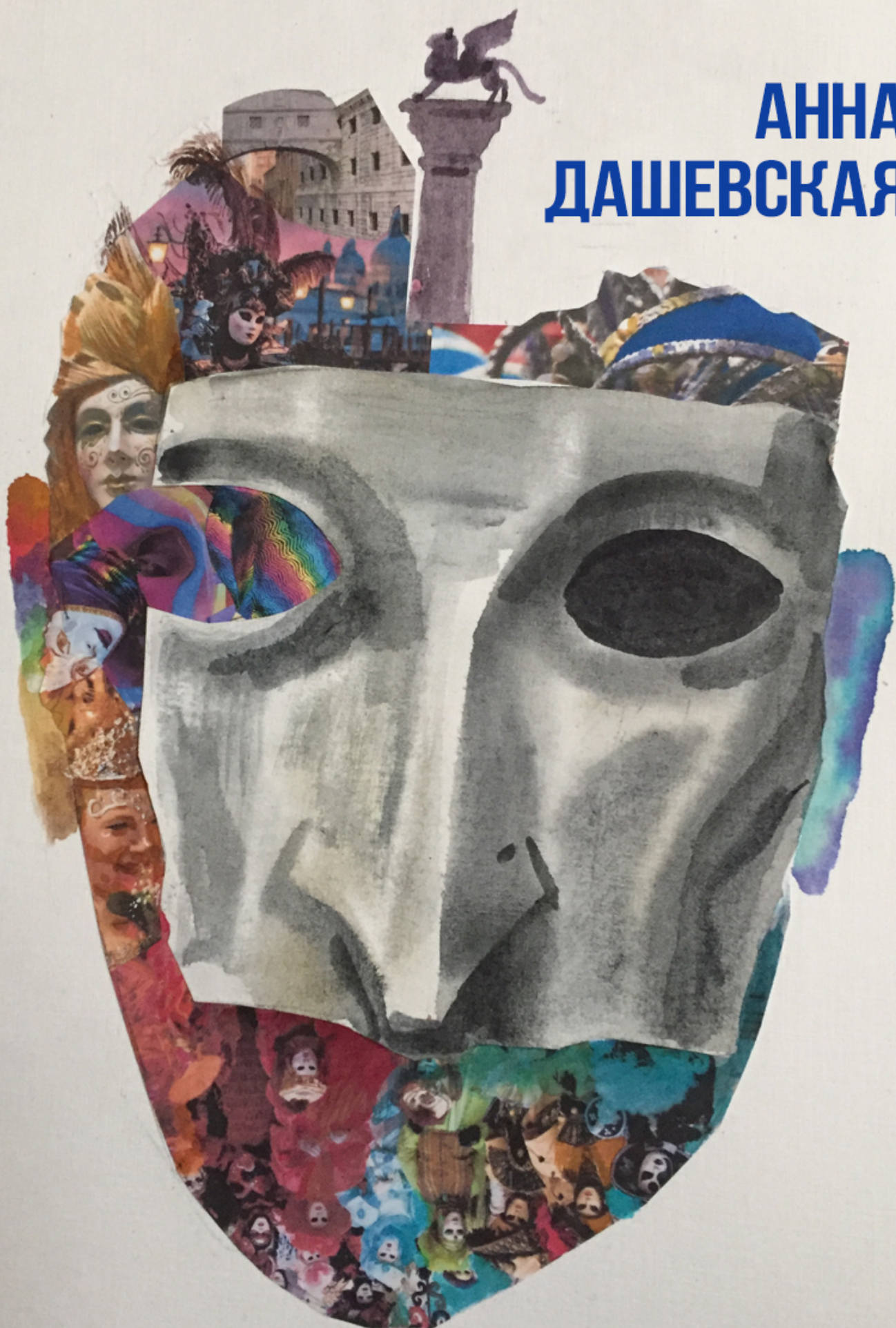

СУПЕРИНТЕНДАНТ И ЕГО ЗАБОТЫ

АННА
ДАШЕВСКАЯ

Хроники Союза королевств

Анна Дашевская

Суперинтендант и его заботы

«Автор»

2021

Дашевская А.

Суперинтендант и его заботы / А. Дашевская — «Автор»,
2021 — (Хроники Союза королевств)

«Письмо лежало на столе. Его можно было бы назвать обыкновенным, если бы не роскошный конверт из веленовой бумаги с нарисованным гербом – лисьей мордой[1]. Впрочем, и без говорящей картинки госпожа Редфилд отлично знала, чьей рукой будет написан текст... Монсиньор Паоло Гвискарди просит о помощи...»

© Дашевская А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Анна Дашевская

Суперинтендант и его заботы

Часть 1

«Il barbiere di Siviglia, ossia L'inutile precauzione»

Gioacchino Rossini

«Севильский цирюльник или бесполезная предосторожность»

Россини

Письмо лежало на столе.

Его можно было бы назвать обыкновенным, если бы не роскошный конверт из веленовой бумаги с нарисованным гербом – лисьей мордой¹. Впрочем, и без говорящей картинки госпожа Редфилд отлично знала, чьей рукой будет написан текст... Монсеньор Паоло Гвискарди просит о помощи.

Лавиния негромко позвала:

– Бакстон!

– Слушаю, мадам!

Дворецкий возник рядом с её креслом совершенно незаметно.

– Когда и как доставили этот конверт?

– Посыльный принёс полчаса назад, мадам. Я проверил на безопасность и немедленно принёс сюда.

– Вот как... А посыльный откуда?

– Компания «Морбье и Хауторн», мадам. Очень солидная фирма.

– Передать вам не могу, Бакстон, как мне не хочется вскрывать это послание... – со вздохом призналась Лавиния.

– Прикажете отправить в камин?

– Это не имеет смысла. Если уж монсеньор прислал письмо, придётся прочитать и ехать.

А я не очень-то люблю Венецию. Тем более – в январе.

– Разрешите заметить, мадам, что в прошлые разы вы говорили то же самое об августе, феврале и мае.

Каждый раз, когда дворецкий позволял себе иронизировать, госпожа Редфилд начинала чувствовать себя не в своей тарелке, поэтому она прекратила эту беседу, взяв в руки так раздражавшее её почтовое отправление и вскрыв конверт. Из него выпал один лишь листок, гласивший: «Бесценная госпожа, обстоятельства вынуждают меня прибегнуть к вашей помощи, secundum pactum². Всецело ваш, Паоло Гвискарди, Архиепископ Венеции, Фриули и Альто-Адидже».

– Бакстон!

– Слушаю, мадам.

– Позовите Марджори.

Секретаршу долго ждать не пришлось. Лавиния даже заподозрила, что Марджори Олесунн околичивалась возле двери в надежде подслушать, о чём пойдёт речь.

Войдя, она села напротив хозяйки, положив на колени блокнот и карандаш, и воззрилась на госпожу Редфилд преданными глазами спаниеля.

¹ Gwiscardee (drow.) – находчивый, хитрый, лисица

² Secundum pactum (лат.) – согласно договору

– Первое, – сказала Лавиния, комкая листок и конверт и прицельно отправляя их в горящий камин. – Закажи мне билет на дирижабль до Венеции. Желательно, на завтра. Второе. Напиши в офис монсиньора Паоло Гвискарди, каким рейсом я прибуду. Пусть найдут мне квартиру в тихом месте рядом с Сан-Марко.

– Ты не хочешь жить в Ка'Ботта?

– Нет. Я еду не по заданию Службы магбезопасности, поэтому из этических соображений не могу пользоваться служебной квартирой.

– Да? А если перевести на нормальный язык, то в чём причина?

– Я и сама не знаю пока, – вздохнула госпожа Редфилд. – Служба магбезопасности в Венеции – это Джан-Марко Торнабуони. Приехать меня просил монсиньор Гвискарди. Отношения между этими семьями сложные. И совсем не всегда дружеские.

– Ага, ну, то есть, ты спинным мозгом чувствуешь грядущие неприятности, так? – и пронизательная секретарша снова занесла карандаш над страницей блокнота. – Тогда, может быть, два билета?

– Ты хочешь побывать в Серениссиме?

– Не откажусь. Тем более что сейчас там сезон распродаж...

– Ладно. Два билета. Третье. Проинформируй коротко всех, кого это может касаться, о том, что меня не будет в Лютеции с седьмого января по... м-м-м... ну, скажем, по семнадцатое. Отпуск по семейным обстоятельствам.

– Глава Службы магбезопасности, ректор Академии, ваш заместитель на кафедре?

Лавиния кивала на каждую называемую должность, потом вздохнула и добавила:

– Ещё два моих аспиранта. Впрочем, с ними я и сама свяжусь. А ты иди, собирай чемоданы.

– Зачем? – удивилась Марджори.

– Мы завтра отбываем, разве нет?

– Но чемоданы-то зачем? Я ж сказала, там распродажа! Так что у меня будет с собой маленькая сумочка с бельём и зубной щёткой, ну, а твои вещи прекрасно уместятся в карманах куртки.

И, выпустив эту парфянскую стрелу, она удалилась.

Чёрная дощатая кабинка, призванная скрыть пассажиров гондолы от посторонних взглядов и защитить их от холодного ветра, несла на стенах уже знакомый значок, лисью морду. Зато изнутри она была обита пурпурным шёлком. Поблекшим, с парой явственных разводов от пролитого вина, но всё-таки шёлком.

– Красота, – шепнула Марджори, проведя ладонью по пурпуру.

– Перчатку надень, холодно, – пробурчала Лавиния, устраиваясь на подушках.

– Как мне может быть холодно, если ты мне дала обогревающий амулет? И вообще, не мешай мне наслаждаться видом города.

– Да пожалуйста, наслаждайся!

Госпожа Редфилд прислонилась к спинке сиденья и закрыла глаза. Дорогу от воздушного порта Венеции до площади Сан-Марко она очень хорошо помнила: вначале долго-долго будет вода, потом из воды начнут торчать связанные попарно бревна, потом появится панорама города... и тут же пропадёт, потому что лодка свернёт в боковой узенький канал. В общем, для истинного наслаждения маловато.

С другой стороны, зачем она будет мешать женщине, впервые попавшей в этот город, получать удовольствие?

Лучше подремать под плеск воды...

Монсиньор Гвискарди арендовал для них квартиру где-то рядом с театром «La Fenice».

Честно говоря, Лавиния предпочла бы более знакомый район. Она успела уже пожалеть, что не стала связываться с Торнабуони, не захотела селиться в Ка'Ботта... Что уж тут, более всего она была недовольна тем, что согласилась помочь монсиньору в неизвестном ей деле.

Тряхнул головой, госпожа Редфилд строго приказала себе прекратить нытьё. «Рио делла Весте, – вспомнила она адрес. – Окна квартиры выходят на Рио делла Весте, и это, по словам старого мошенника, очень удобно. Ладно, посмотрим...»

Вряд ли кто-нибудь, кроме командера Службы магбезопасности Лавинии Редфилд, рискнул бы обозвать столь нелицеприятно такую значительную фигуру, какую представлял собой архиепископ Венеции, Фриули и Альто-Адидже. И дело тут было не только во власти его над умами прихожан – в конце концов, в Союзе королевств вполне мирно уживались ещё три или четыре не менее крупных конфессии, плюс пара десятков более мелких и вовсе уж экзотических. Нет, значение имело и это, и влияние семейного клана, и немалое состояние монсиньора, и даже личное его обаяние. Всё вместе делало Паоло Гвискарди одной из самых значительных персон в республике. Самых значительных и самых уязвимых.

«Во что ж это я ввязалась, Тьма тебя побори?» – мысленно поинтересовалась Лавиния, окидывая взглядом парадный подъезд с причалом на три гондолы, чёрные и белые квадраты пола, в pianoobile³ – узкие окна справа и роскошный балкон слева от входа...

– Синьоры, прибыли! Ка'Тезено, – с поклоном гондольер подал руку Марджори.

Та одарила его сияющей улыбкой и перешагнула борт гондолы.

Каким-то непостижимым образом владелец старинного дома ухитрился разделить его на две квартиры – и при этом не испортить, а заодно и не ущемить ни в чём ни одного из жильцов.

Даже не две квартиры, а три, потому что первый этаж занимала консьержка, она же домоправительница и немножко кухарка. За отдельную плату, разумеется.

После того, как Марджори восхитилась шахматной клеткой пола, статуями, люстрой и прочими красотами холла, они поднялись на второй этаж. Дверь слева, над которой парили нарисованные купидоны, вела в предоставленные им апартаменты.

– Есть ли какие-то пожелания касательно завтрака? – деловито спросила синьора Тессани.

– Никаких, – быстро ответила Лавиния. – Спасибо, синьора.

И в руку консьержки скользнула монета.

Спальня окнами на Рио делла Весте досталась Марджори. Госпожа командер махнула на это рукой, решив позволить подруге наслаждаться поездкой на всю катушку.

Её комната была чуть темновата, поскольку окна почти впритык смотрели на соседнее здание, их разделял лишь узенький канал, метра два шириной. Зато в этой спальне не было ни одного красного или пурпурного предмета, только спокойные голубые и зеленоватые тона.

Лавиния отодвинула тяжёлую штору. В окне напротив горел яркий магический фонарик, и при его свете хорошенькая девушка красилась перед зеркалом. Заметив незнакомку, она весело помахала рукой и задёрнула занавеси.

Ужинать дамы отправились в таверну, хорошо знакомую госпоже Редфилд со времени прошлых поездок. Хозяин, синьор Джованни, с толстым животом, обтянутым белоснежным фартуком, с пышными усами, соперничавшими с фартуком белизною, проводил их к столику рядом с окном.

– Ваш любимый столик, синьора! – провозгласил он, отодвигая стул. – Аперитив? Просекко?

Как все венецианцы, он слегка шепелявил и выговаривал «прошекко», что ужасно расмешило Марджори. Когда толстяк отошёл, она спросила:

– Он что, тебя помнит?

³ Pianoobile – главный, господский этаж палатцо, где находятся главные спальни, гостиная, кабинет хозяина и пр.

– Вполне возможно.

– Ты сюда часто ходила?

– Ну, раз пять или шесть была точно... – Лавиния пожала плечами. – Понимаешь, это город, где все носят маски. Поэтому трактирщики, гондольеры и продавцы научились опознавать знакомых не по лицу, оно же закрыто. По движениям. По манере говорить или, вот как ты, дёргать себя за левую мочку. Кстати, это куда сложнее изменить, чем черты лица.

– Ну да, конечно...

Джованни принёс сардины, маринованные с изюмом и орешками пинии, потом пасту с ракушками вонголе. Всё это время Марджори молчала, переваривая сказанное, наконец, над тарелкой с телячьей печенью спросила с горечью:

– Это что ж, все про всех всё знают? И я, заглядывая в антикварную лавку и здороваясь с мадам Мишо, укладываюсь в её... картотеку?

– Так это же взаимно, – пожала плечами Лавиния. – В твоей картотеке мадам Мишо тоже занимает свой ящичек, где-то между обувщиком и книготорговцем, и тебя это вполне устраивает. Удобно ведь! Десерт будешь?

От десерта Марджори отказалась в пользу сладкого Vinsanto, которое и смаковала, глядя в тёмную воду канала и о чём-то размышляя.

Тем временем Лавиния попросила у трактирщика лист бумаги и перо, быстро написала записку, сложила её и запечатала значком со своими инициалами. Потом спросила:

– Синьор Джованни, ваш внук ведь по-прежнему работает с вами?

– Нет, госпожа Редфилд, – лицо толстяка страдальчески сморщилось. – Мальчик не захотел гробить свою жизнь на грязные тарелки, нанялся в Легион... Вот уже полгода служит. А что вам, нужны быстрые ноги?

– И хорошая голова, синьор Джованни! – засмеялась она.

– Ну, тогда осмелюсь рекомендовать внучатую племянницу. Кьяра!

Девочка лет четырнадцати, коротко стриженная, в белой рубашке, замотанная в длинный фартук, такой же белоснежный, как и у деда, моментально подскочила к столику.

– Да, дедушка?

– Вот, у госпожи Редфилд к тебе есть поручение...

– Минутку!

И в самом деле, прошло не больше минуты, как она вернулась, сняв фартук и пригладив волосы.

– Кьяра, ты знаешь, где живёт монсиньор Гвискарди?

– Конечно, синьора. В Ка'Тре Фонтани.

– Вот эту записку нужно отнести ему. Можно не отдавать в руки, а попросить лакея передать. Скажи на словах, что я приехала Secundum pactum и буду ждать ответа в своей квартире.

– Да, синьора.

И она исчезла, словно растворилась в воздухе.

Джованни убрал грязную посуду, принёс маленький графинчик с золотистой домашней граппой, и обе женщины сидели молча, слушая плеск и запах воды.

– Почему ты не стала отправлять магвестник? – спросила вдруг Марджори.

– Ты не поверишь, но в Венеции у меня они получаются через раз, – неловко усмехнулась Лавиния. – Кругом вода, одновременно текучая и стоячая, и она вроде как размывает магию. Мою, во всяком случае. Вот те, кто здесь родился, в ней себя чувствуют... как рыбы в воде.

Девочка вернулась очень быстро, минут через двадцать. Распечатывая ответную записку, Лавиния в который раз подумала, что скрытые умения местных жителей куда больше, чем то, о чём известно Совету магов, Службе магбезопасности и прочим заинтересованным. До дворца монсиньора Гвискарди пятнадцать минут пешком и десять – на лодке. В одну сторону! Плюс пока письмо донесут до самого прелата, да пока он напишет ответ... То есть, впечатление

такое, что Кьяра вышла из дверей трагтории и порталом переместилась прямо к входу в Ка'Тре Фонтани. И расспрашивать её о чём-то бесполезно...

Монсиньор Гвискарди приглашал синьору Редфилд присоединиться к нему за вторым завтраком в одиннадцать часов утра. К благодарности командер присовокупила пару монет, которые девочка приняла без тени смущения. Гондола уже ждала их возле входа, и вскоре отчаянно зевающая Марджори отправилась спать. Коммандер подошла к окну, отодвинула штору и глянула в окно дома напротив. Там горел свет, и по полупрозрачной шторе двигались две тени, мужчины и женщины. Судя по жестикации, они о чём-то спорили. Тщательно задёрнув свои занавески, Лавиния вытряхнула их из головы и легла.

Без пяти одиннадцать гондола причалила у каменных львов, охраняющих водный подъезд Ка'Тре Фонтани. Лавиния погладила их по мраморным затылкам, кивнула терпеливо ожидавшему секретарю и прошла внутрь.

– Монсиньор ожидает вас в малой столовой, – догнал её шелестящий шепот.

– В малой столовой! – хмыкала она про себя, следуя за очередной фигурой в ливрее. – Малой! Это значит, есть и большая? А ещё, наверное, пиршественный зал?

Спина в ливрее нервно дёргалась, слыша столь неприличное для этого места хихиканье.

Монсиньор Паоло Гвискарди как раз усаживался за стол, нетерпеливо потирая пухлые розовые ладошки.

– Госпожа Редфилд! Как я рад вас видеть! – воскликнул он. – Прошу вас, садитесь напротив меня, и не будем отвлекаться от того, что нынче приготовил для нас мэтр Клеричи.

Завтрак оказался почти скромным: свежий хлеб, масло, ещё плачущее слезами пахты, копчёный лосось, рикотта и мёд. Перед каждым из сотрапезников стояла большая фарфоровая чашка с капучино, на поверхности пышной молочной пены было нарисовано шоколадное сердечко. Лавиния ревниво покосилась в чашку монсиньора и с удовлетворённой улыбкой убедилась, что там изображена пальмовая ветвь. Посмотрела в хитрые глаза Гвискарди и расхохоталась.

Когда была выжежена последняя капля капучино, прелат спросил:

– Желаете ещё чего-нибудь?

– Спасибо, нет.

– Тогда прошу вас следовать за мной.

В кабинете хозяин прошёлся пару раз, переложил на столе какие-то предметы, поправил картину, и без того висевшую ровно... Словом, он суетился. С некоторым изумлением Лавиния наблюдала за этим процессом и понимала, что Гвискарди нервничает.

– Что случилось, монсиньор? – наконец спросила она. – Расскажите, и мы вместе подумаем, как разрешить ситуацию.

– Видите ли, госпожа командер, у меня есть племянница.

– Это случается довольно часто.

– Любимая племянница, понимаете? Я... э-э-э... не афишировал это обстоятельство, так что о Лауре никто не знает.

– Понимаю.

«Конечно-конечно, неучтённая девица завелась в семействе Гвискарди! – иронизировала Лавиния про себя. – Да это ж золотой запас семьи! Её можно выгодно продать... то есть, выдать замуж с большой пользой для клана. Говорите. Говорите, монсиньор, в чём проблема-то?»

– И в чём же проблема? – спросила она вслух, когда молчание стало давить.

Гвискарди вздохнул.

– Девочка вбила себе в голову, что она хочет идти на оперную сцену.

– Так что, у неё нет голоса?

– Есть! У Лауры дивное меццо-сопрано, за партию Розины она получила первую премию Наумбурговского конкурса.

– Прекрасно, я за Лауру очень рада. Тогда каков вопрос? Монсиньор, если вы не расскажете мне, в чём дело, я не смогу помочь!

Длинно вздохнув, Гвискарди выдавил:

– Она хочет петь здесь, в Венеции. В театре «La Fenice».

– И что? Знаменитая сцена, множество великих опер здесь ставили, – госпожа Редфилд начала сердиться. – Хорошо, пойдём другим путём. Вы подумайте, монсиньор, и дайте мне знать. Если моя помощь всё ещё нужна – напишите на бумаге, в чём именно, и отправьте с курьером, адрес вам известен!

Она попыталась встать, но её остановил серьёзный голос Гвискарди:

– В театре что-то происходит, и мне это очень не нравится. И не только мне. За последние полгода от выступлений в «Ла Фениче» отказались несколько исполнителей из первой десятки, в том числе великий Оттоленги. А его спектакли на этой сцене были запланированы ещё три года назад!

– И что, без объяснения причин отказались?

– Ну, нет, конечно! – усмехнулся монсиньор. – Кто ж захочет платить бешеную неустойку? Карл Оттоленги лёг на срочную операцию, Еве Ковальской запрещены путешествия и всяческие волнения в связи с беременностью... У всех исключительно серьёзные обстоятельства, никто не говорит вслух, что под сводами «Ла Фениче» беспокойно.

– А слухи ходят... – кивнула Лавиния. – Знакомо.

– Именно так. Поэтому я хотел попросить вас потратить пару дней и изучить этот вопрос. Если вы скажете, что можно не волноваться, Лаура начнёт репетировать партию Амнерис.

Тут госпожа Редфилд несколько напряглась.

– Пару дней? – она разумно не стала говорить, что у неё в запасе есть неделя. – Вы считаете, я приду в зрительный зал и сразу увижу, что там не так? А если я скажу, что всё в порядке, а окажется, что чего-то мне не удалось увидеть?

– Никаких претензий! Ни в каком случае! – архиепископ замахал пухлыми ладошками. – Просто, если вы сочтёте, что опасности нет, это куда достовернее любых других свидетельств.

– Лесть, особенно грубая – лучший путь к сердцу любого разумного. Хорошо, я этим займусь.

– Спасибо, госпожа командер! Сегодня в три вас ждёт господин Кавальери, суперинтендант театра. Всё, что знает он, будет известно и вам. Если есть какие-то пожелания?..

– Нет. Пока нет, – задумчиво ответила Лавиния.

«Этот старый лис отлично знал, что я соглашусь, и заранее договорился в театре. Вот хитрец! – думала она, бредя по узким улочкам и заглядывая в витрины. – Суперинтендант, ну надо же! В Бритвалде так называют высокий чин в городской страже, а тут – директор театра. Смешно!»

На самом деле, смешно ей не было: как и всегда перед началом работы, госпожу Редфилд охватил некий азарт, предвкушение работы, то самое чувство гончей, ожидающей начала охоты.

Переулочек внезапно закончился, упёрся в облупленную штукатурку сплошной стены. Слева дорогу закрывал древний забор, вправо вёл тёмный узенький проход. Поколебавшись, Лавиния пошла направо; чувство направления подсказывало ей, что площадь Святого Марка где-то там, а опыт прогулок по Венеции ехидно напоминал, что идти, вполне возможно, надо совсем в другую сторону. Ещё поворот, и она буквально выскочила на небольшую площадь. Скромный колодец посередине, магазин игрушек, сырная лавка, закрытая трагтория... Подняв глаза, она прочла на табличке «Campo alla Fava» и пробормотала:

– Хм, площадь бобов, забавно!

Опустила глаза от таблички и упёрлась взглядом в стеклянную дверь какой-то лавочки без названия и вывески. Там, за дверью, отлично видный в ярком солнечном свете, стоял человек в чёрной мантии и маске с длинным изогнутым клювом. Стоял и смотрел на Лавинию.

Она почувствовала себя незваной гостьей на этой площади...

Тряхнула головой, перевела взгляд и увидела в просвете между домами мраморного льва с раскрытой книгой, красный кирпич башни, зеленую остроугольную крышу – да ведь это же кампания Сан-Марко, и она совсем недалеко.

Через десять минут госпожа Редфилд уже пила кофе с келимасом на террасе кафе «Квадри».

Господин суперинтендант оказался толстячком ростом с сидящую собаку, с обширной плечью, розовыми щечками и грустными глазами, окружёнными длинными густыми ресницами. Он стоял у входа в театр, смотрел на фланирующую публику, отвечал на приветствия – довольно частые и исключительно вежливые, отметила Лавиния. Понаблюдав ещё минут пять, она шагнула вперёд и улыбнулась. Как раз в этот момент на часах Гигантов колокол ударил в первый раз.

Переждав затихающие удары, Лавиния подошла к ступеням и поздоровалась.

– Синьора Редфилд, рад вас видеть, – толстяк поклонился. – Пойдёмте, прошу вас. Монсиньор велел показать вам театр, с чего желаете начать? Может быть, с кофе?

От кофе она решительно отказалась.

– Может быть, начнём мы с вашего кабинета? Вы мне расскажете, что именно насторожило монсиньора Гвискарди, а потом решим, что же нужно осмотреть.

Кабинет был невелик и страшно захламлён. Впрочем, беспорядок этот вроде бы имел определённую логику, во всяком случае, Лавиния сумела её предположить. Один из шкафов заполняли растрёпанными тетрадками и книгами, зачитанными буквально до дыр, во втором громоздились разноцветные стеклянные вазы, кубки и непонятные фигуры. Открытый стеллаж был забит свёрнутыми в рулон большими бумажными полотнищами, тоже разной степени растрёпанности, в них гостья предположила афиши. Письма и бумаги на столе были сложены в аккуратные стопки, поверх одной из них сладко спал серый кот.

– Бартоло, опять ты здесь! – всплеснул руками синьор Кавальери. – Простите, госпожа командер, сейчас я его...

– Да пусть спит, – отмахнулась она. – Мне не мешает нисколько.

– Прошу вас, садитесь.

Хозяин кабинета переложил со старинного деревянного кресла несколько папок, и Лавиния устроилась. Кресло было неудобным.

– Итак? – спросила она.

Кавальери поёрзал, вздохнул и начал рассказ.

За «La Fenice», словно кильватерный след за катером, тянулась двойная слава: с одной стороны, сыгранная в нём премьера или первое выступление гарантировала опере, певцу или танцовщице долгую сценическую жизнь и славу. С другой, если этот театр тебя не принимал, то можно было уже не пытаться выступать. Синьор суперинтендант перечислил несколько несостоявшихся певцов, сделавших карьеру в самых неожиданных сферах, от ментальной магии до конструирования летательных аппаратов.

– И какие же этому причины? – спросила Лавиния, слушавшая с интересом.

В ответ толстяк только развёл руками.

– Кто ж знает...

– Какая-то нежить? Посторонняя разумная сущность? Маги проверяли? Как давно это началось?

– Маги проверяли, – закивал Кавальери. – И не один раз! Когда началось? Ну... так-то точную дату даже я не скажу, заметили такую тенденцию примерно через пять лет после второго пожара...

– Та-ак. А теперь про пожары подробнее!

Тут господин суперинтендант снова вздохнул, безнадежно, словно спаниель, в третий раз за утро обнаруживший совершенно пустую миску.

– Первый случился тогда, когда театра «Ла Фениче» еще не было. На этом месте стоял дом... ну, обычный дом, на первом этаже таверна, на втором жил хозяин с семьёй, а третий они сдавали. Ну так вот, однажды дом этот вспыхнул, словно кучка сухих поленьев. Кто был рядом с дверью, успели выскочить, но таких немного было.

– Это произошло ночью?

– Нет, синьора, белым днём. Оно конечно, в ноябре вечер начинается раньше, чем успеваешь проснуться, но пожар начался в обед, часа в два, а к четырём уже всё догорело.

– И в каком году это произошло? – терпеливо спросила Лавиния.

– Как раз в тот год, когда дожем стал Альвизе Мочениго, в тысячу семьсот шестьдесят третьем.

– Днем... То есть, траттория была открыта?

– Да, именно так. Я ж и говорю, кто сидел рядом с дверью, те успели выскочить, остальные сгорели.

– Господин Кавальери, вы так об этом рассказываете, будто сами присутствовали...

– Ах, синьора, так я же самого главного не сказал! Есть традиция, каждый суперинтендант «Ла Фениче» обязательно записывает всё, что происходит в театре и окрестностях. Вот в этих дневниках всё и рассказано, во всех подробностях.

– Да уж, действительно, мимо дракона вы прошли, не заметив... Давайте!

– Не могу, синьора... – с неожиданной твердостью ответил Кавальери. – Можете читать здесь, в моём кабинете, а вынести не получится.

– Что-то мне подсказывает, что и от магического копирования эти записки закрыты, – вздохнула Лавиния, предчувствуя многие часы изучения однообразных записей, сделанных плохим почерком.

– Конечно, госпожа командер! Ну, а как же иначе? Там иной раз такое писали!...

– Хорошо... то есть, плохо, что я не могу заняться этим у себя дома, но радует, что есть письменные источники. Тогда мы с вами поступим так: сейчас вы покажете мне театр.

– Да, госпожа командер.

– Сегодня вечером будет спектакль?

– Да, госпожа, командер, сегодня у нас «Риголетто».

Лавиния поморщилась: оперу она вообще не любила, а уж душераздирающая история горбуна и его дочери была ей особо ненавистна.

– А завтра?

– «Золушка».

– Отлично. Значит, завтра я с утра приду сюда читать эти дневники... Там одна тетрадь?

– Нет, что вы! Недавно я начал девятнадцатую!

– Очень хорошо. Поправка: мы придём, я и мой секретарь. Надеюсь, в этих записках найдётся ключ к странным случаям. А вечером мы послушаем вашу «Золушку».

– Да, госпожа командер.

– Давайте теперь вернёмся к вашим неприятностям, я имею в виду неприятности недавние. То, что театр кого-то принимает или не принимает, началось не вчера, поэтому рассказывайте.

– Ну... Даже и не знаю, как это назвать, – суперинтендант почесал макушку. – Можно сказать, что начались пропажи.

– Мелкое воровство?

– Нет, что вы! С этим бы мы справились быстро, как справлялись всегда. Вы же понимаете, есть постоянные служащие «Ла Фениче» и приглашённые звёзды. Своих я знаю всех досконально, а гастролёрам, как правило, не до того, чтобы спереть чью-то безделушку. Конечно, бывало всякое... – тут синьор Кавальери себя оборвал. – Потом, если интересно будет, расскажу. Так вот, исчезают не вещи, а предметы. Ах, коряво сказал... Ну вот представьте себе, что пропадает бесследно спинка кресла в партере, остаётся только её фантом. Вечером пришла зрительница на спектакль, села в кресло, откинулась... а спинки нет, и она упала на колени зрителю в следующем ряду. Ну, это ладно, смешной случай, хотя в качестве компенсации синьоре Распони пришлось выписать годовой абонемент. Но как-то пропал кусок пола на сцене, и во время репетиции один из статистов провалился в эту дыру! А последний случай меня напугал до смерти, потому что в фантом превратилась часть ограждения на верхнем ярусе. Если бы обнаружилось это вечером, и кто-то из зрителей бы прислонился...

– Падение в партер с высоты... сколько там у вас?

– Почти двадцать метров, – вздохнул толстяк, вытирая лоб платком. – Верная смерть.

– Значит, предмет заменяется фантомом... – Лавиния прошла по кабинету, рассеянно погладила серого кота; тот мурлыкнул, не просыпаясь. – И так и остаётся дыра? Или через какое-то время восстанавливается реальная структура?

Тут суперинтендант глубоко задумался.

– Ну, первые несколько случаев особо не отмечали, ставили новую доску или ножку стула. Пол на сцене и ограждение, разумеется, отремонтировали немедленно. А вот кресло без спинки заменили целиком, оно на складе, можно посмотреть!

– Очень хорошо, сейчас пойдём и посмотрим. Когда все это началось?

– Несколько месяцев назад, точнее не скажу.

– То есть, связать с чьими-то гастрольями, визитом, посещением невозможно? Понятно. Тогда другой вопрос: что вы скажете о моменте происшествий? По вашему впечатлению замена происходила утром, днём, ночью? Какие-то шумы, вообще что-то дежурные отмечали?

– Если и отмечали, то не говорили, – помотал головой Кавальери.

История была необычной, и Лавинию разобрало любопытство и некий азарт: неужели она не сможет справиться? Конечно, в опере она понимает немногим больше, чем в виноделии, но ведь всегда можно спросить! Главное, знать, что именно спрашивать...

– Во сколько начинается сегодняшней спектакль?

– В восемь.

– То есть, ещё час-полтора вы можете мне посвятить, господин суперинтендант?

Кавальери только махнул рукой.

– Синьора Редфилд, да если есть хоть какая-то надежда на то, что вы поможете, я готов сутки за вами следом ходить и сам лично амулеты подавать! В конце концов, для спектакля от меня личное присутствие не требуется, не вышел из меня певец.

При этих словах кот неожиданно прыгнул со стола, потянулся сперва передними, потом задними лапами, подошёл к выходу и негромко мурлыкнул.

– Ну вот, синьор Бартоло решил сопровождать вас, – суперинтендант открыл дверь.

Склад находился на чердаке здания театра. Они поднялись по узкой лестнице на два пролёта, спустились на один, прошли по запутанным изгибающимся коридорам и снова поднялись.

– Здание несколько раз перестраивалось, – с извиняющейся улыбкой Кавальери развёл руками. – После второго пожара, когда сгорело и несколько соседних домов, синьор N. решил купить те площадки и сильно расширил театр. Но центральную часть и правое крыло тогда огонь не затронул, и их оставили в былом виде. Поэтому, сами понимаете, мало кто может пройти здесь и не заблудиться.

– Понимаю, – кивнула Лавиния. – А сколько в «Ла Фениче» постоянных работников?

– Ну-у... – толстяк остановился, запыхавшись, и принялся загибать пальцы. – Оркестр, это сорок музыкантов. Хор, пока десять мужских голосов и двенадцать женских, но будет больше, мы развиваемся. Костюмеры, декораторы, художники, осветители... тут по-разному, от пятидесяти и больше. Сейчас семьдесят два, но у нас и спектакли каждый день... Много, синьора.

– А певцы только приглашённые?

– Обычно да. Иногда кто-то из хора вдруг выбивается в солисты, но это нечасто бывает. Традиционно солисты, дирижёр, постановщик – это гастролёры.

– И насколько загодя вы составляете план постановок?

– За три года, синьора. Такие звёзды, как тот же Оттоленги, расписывают свою жизнь на много месяцев вперёд...

Обсуждая всё это, они поднялись по металлическим ступеням винтовой лестницы к обитой железом двери, на которой висел слегка поржавевший замок размером с мужской ботинок. Суперинтендант извлёк из кармана соответствующих габаритов ключ, вставил его в скважину и не без скрипа повернул.

Пока синьор Кавальери разыскивал обманное кресло, Лавиния разглядывала странные предметы, отправленные сюда на покой: части декораций, вроде нарисованной на листе картона стилизованной яблони или почти настоящей крепостной стены, поломанную мебель, сундуки и коробки. На удивление, пыли почти не было, и она с одобрением подумала, что на бытовых амuletах здесь не экономят.

«Зато видимо, пытались экономить на противопожарных!» – ехидно добавил внутренний голос.

– Ага, вот оно! – раздался голос суперинтенданта откуда-то из дальнего угла. – Синьора командер, как вам удобнее – чтобы я принёс это кресло к вам, или вы сюда подойдёте?

– Подойду, стойте на месте.

– Да, синьора. Бартоло вас проводит.

И в самом деле, серый кот тут же возник у её ног, коротко мяукнул и повёл извилистой дорожкой меж заброшенными свидетельствами былых оперных триумфов.

На что похоже кресло без спинки?

На пуфик с ручками, совершенно бессмысленный предмет.

Осмотрев то место, где крепилась бесславно погибшая спинка, Лавиния хмыкнула:

– Такое впечатление, что её здесь никогда и не было... Скажите, синьор Кавальери, магически этот предмет мебели не обрабатывали?

– Нет, госпожа командер. Убрали из зала и забросили сюда.

– Забросили... – она огляделась. – Конечно, амuletы от пыли дают фон...

– И от мышей, – почтительно подсказал Кавальери.

– Лучший амulet от мышей – вот он, сидит у ваших ног.

– Бартоло уже немолод, а театр большой.

– Понятно. Хорошо, господин суперинтендант. Забирайте Бартоло и отойдите к дверям. Я вас позову, если что.

Без единого звука человек и кот исчезли из поля зрения.

Лавиния размяла пальцы и сложила их в жесте активации...

Обследовав бывшее кресло, она села на него и задумалась.

«Итак, у нас здесь наблюдается полноценное проклятие. Судя по тому, что проявляется оно произвольно и в разных местах, наложено на театр в целом. Конечно, я из Кавальери попробую выудить, что происходило в «Ла Фениче» незадолго до того, как заметили пропадающие предметы, но вот что делать дальше? Приглашать местную магбезопасность? Соблазнительно... Передать историю Джан-Марко Торнабуони, отрясти с подошв пыль венецианских улочек и вернуться домой, в Лутецию. У меня осталось чуть больше недели отпуска, можно

уехать в Провенс и пожить тихо, у камина с видом на сад, – она хмыкнула чуть слышно. – Ага, и мучиться от любопытства, кто и за что так своеобразно отомстил «Ла Фениче»! Не лги себе, Лавиния Редфилд, никуда ты не уедешь!»

Она огляделась, распахнула несколько сундуков, выбрала в одном из них большой кусок золототканой парчи и накрыла им пуфик с ручками.

– Синьор Кавальери!

Господин суперинтендант появился мгновенно.

– Да, госпожа командер!

– Я нашла возможную причину этих неприятностей. Только возможную! – подчеркнула она голосом. – Теперь нужно изучить ваши записи, найти и исследовать ключевые точки... в общем, предстоит много работы.

– Понимаю, госпожа командер, – смиренно отвечал Кавальери. – Вы... на вас ведь можно рассчитывать?

– Идёмте, синьор, вернёмся в ваш кабинет. Я кое с кем поговорю, а потом отвечу на этот вопрос. Кстати, запирайте дверь склада, а я поставлю свой собственный магический замок. Нечего тут кому попало шастать...

В кабинете Лавиния села в кресло, достала коммуникатор и набрала номер. Какое-то время ничего не происходило, экран оставался тёмным. Она уже было решила, что происходит то же самое, что всегда случалось с нею в Венеции: её магия сбоила, не срабатывала или срабатывала криво, размываемая водой, составляющей суть города. Но нет, аппаратик вдруг дрогнул, деловито зажужжал, засветился экран, и на нём появилась суровая физиономия Джан-Марко Торнабуони.

– Госпожа Редфилд? – удивился он. – Где это ты?

– Совсем недалеко от тебя, – Лавиния усмехнулась. – В «Ла Фениче». Тут оч-чень интересная задачка, и у тебя есть шанс поучаствовать в её решении.

Торнабуони хмыкнул.

– Синьора профессор, город мой, а загадку нашла ты? Это непорядок! Кто там маячит, Кавальери?

– Да, синьор, – пискнул толстяк, откашлялся и сказал нормальным голосом. – Да, синьор. Мы в моём кабинете.

– Ага, отлично...

Экран погас, зато возле двери засиял сиреневый овал, потом начал расширяться, образуя порталное окно. Пока оно наливалось цветом и становилось стабильным, суперинтендант успел повернуться к гостье и, высоко подняв брови, спросить:

– Профессор?

– Я преподаю в Академии в Лютеции, и Джан-Марко у меня учился, – ответила она.

Торнабуони шагнул в комнату, и порталное окно погасло.

– Синьор Кавальери, – кивнул он. – Это вы привлекли госпожу командера?

– Мессере... – замялся суперинтендант.

– Оставь, Джан-Марко! – решительно сказала Лавиния. – Это совсем другая история, и её ты не узнаешь. Или узнаешь не скоро.

– Ладно, – кивнул Торнабуони, переложил какие-то куски ткани и уселся в кресло. – Рассказывайте то, что можно, а дальше будет видно.

«То, что можно» в изложении госпожи Редфилд уместилось в пять минут. Короткий и сухой перечень происшествий, из-за которых господин суперинтендант не спал ночами, закончен был будничным тоном:

– Я обследовала один из подвергшихся воздействию предметов...

– Кресло из партера, – подсказал суперинтендант.

Командер пронзила его недовольным взглядом и договорила:

– И на этом кресле я обнаружила проклятие. Вернее, конечно, след проклятия, воздействовавшего на предмет как на часть единого целого.

– Единое целое, ты считаешь, это театр?

– Именно так.

– Никогда не слышал о таком, чтобы проклятие действовало не на конкретное живое существо или точку в пространстве, а на здание...

– Полагаю, здесь оно отнесено не к зданию, а к «Ла Фениче» как идее. Можно было бы доказать это, перенеся оперный театр в другое место...

Тут синьор Кавальери, слушавший диалог специалистов с величайшим почтением, возопил:

– Нет-нет-нет, только не это! Синьора командер, синьор Торнабуони, помилуйте!

Маги переглянулись, и Джан-Марко сказал:

– Спокойно, господин суперинтендант! Я, глава венецианского отдела Службы магбезопасности, обещаю вам, что приложу все усилия для нейтрализации отрицательного магического воздействия и скорейшего выявления и наказания виновных. Кем бы они ни были.

Это обещание, изложенное максимально канцелярским языком, волшебным образом успокоило Кавальери. Он закивал и сказал:

– Так я принесу дневники?

– А они не здесь, в кабинете? – удивилась Лавиния. – Несите, конечно.

– Кабинет – проходной двор, – махнул рукой Кавальери. – А всей охраны один Бартоло. Сейчас, минуточку.

Он выбежал за дверь.

Серый кот, устроившийся теперь на подоконнике, шевельнул ухом, широко зевнул и накрыл нос хвостом.

– Туман поднимается, – озабоченно заметил Джан-Марко. – А погодные маги обещали ясные дни до конца недели.

– По-моему, изменения погоды здесь случается чаще, чем в Люнденвике, – госпожа Редфилд пожала плечами.

– Он мне не нравится. Хватило бы и обычного, естественного, но этот, по-моему, имеет магическую природу. Сама понимаешь, просто так туман не вызывают. Не вздумай открывать портал к себе в Лютетию.

– Я ночью здесь, в городе.

– Где?

– В Ка'Тезено, – неохотно ответила Лавиния.

Она не сомневалась, что Торнабуони сумеет сложить два и два и догадаться о том, кто её в Венецию вытащил.

– Во-от как? – взгляд Джан-Марко стал острым.

Возможно, он бы выпытал у неё все подробности, но тут в дверь вошёл господин суперинтендант, прижимающий к груди большую тетрадь в сафьяновом переплёте и её сестру-близнеца, вдвое тоньше.

– Вот, – сказал он. – Дневник.

– Это за какой период? – спросила госпожа Редфилд.

– Восемнадцатая тетрадь, начата пятого апреля 2180 года, и девятнадцатая, начиная с Переломы года.

– Почти шесть лет... И начало происшествий с заменой предмета на иллюзию здесь отмечено?

– Во всяком случае, здесь отмечен тот случай, когда я лично был привлечён к решению вопроса.

– То есть, история с креслом?

– Да, госпожа командер, – с достоинством поклонился Кавальери.

– Отлично, – вмешался в беседу Торнабуони. – Тогда мы можем идти...

И снова господин суперинтендант с реверансами и сожалениями объяснил, почему невозможно вынести записки из здания «Ла Фениче». Выслушав его витиеватые извинения, Джан-Марко потёр подбородок.

– Ладно, – решил он. – Выделите нам какую-нибудь тихую комнату, часок я могу урвать от дел.

Взвесив на руке тетрадь, Лавиния тихонько хмыкнула, но возражать не стала. Кавальери выдвинул ящик стола, достал оттуда ключ, снабжённый загадочной биркой «худ. маст.» и распахнул дверь.

Вновь они шли по узким коридорам, поднимались и спускались по лестницам, пока, наконец, госпожа Редфилд не уверилась окончательно в том, что без посторонней помощи она не выберется на улицу никогда. Ну, разве что проломит стену или откроет портал неизвестно куда, искажённый водой каналом. Наконец синьор Кавальери подошёл к двери, примечательной тем, что она была, во-первых, вдвое шире обычной, а во-вторых, на ней широкими мазками был нарисован знаменитый крылатый лев с раскрытой книгой. Лев был зелёный, крылья – нежно розовые, а книга алая. Покрутив ключом в скважине, суперинтендант распахнул правую створку и сказал:

– Вот, господа, здесь никто вам не помешает. Вон те два кресла очень удобные, не смотрите, что такие страшенькие.

Кивком поблагодарив, Лавиния вошла и осмотрелась. Загадочная надпись на ключе стала понятной: вокруг стояли несколько мольбертов, множество картонов, как чистых или загрунтованных, так и с начатыми картинами. Пахло скипидаром и чем-то ещё, неуловимым, но не противным.

– Наш художник уехал на две недели, – развёл руками Кавальери. – Сказал, за вдохновением, будто ему в Венеции вдохновения мало. Когда захотите уйти, дверь закройте, вот ключ, а дневники положите вот сюда.

И он поставил на стол невесть откуда взявшуюся шкатулку.

– И не запирайте? – поинтересовался Торнабуони.

– Просто захлопните крышку, – толстяк уже пошёл к выходу, потом остановился, хлопнул себя по лбу и добавил. – Да, забыл сказать: на обратном пути Бартоло вас проводит.

И в самом деле: серый кот потёрся о ноги госпожи Редфилд. Понюхал пальцы протянутой к нему руки Джан-Марко, мурлыкнул и вспрыгнул на стул, где и улёгся, свернувшись калачиком.

Почерк у господина суперинтенданта оказался чёткий и разборчивый, но легче от этого не было. Синьор Кавальери всюду пользовался сокращениями и аббревиатурами, а вместо имён всюду указывал инициалы. И всё же госпожа командер продиралась сквозь этот тёмный лес, время от времени что-то выписывая на листок бумаги. В какой-то момент она остановилась, перевернула страницу назад, вчиталась и подняла глаза на Торнабуони.

– Посмотри вот здесь, – остро заточенный карандаш оставил на бумаге еле заметную точку. – Ерундовый случай, у одной из уборщиц ведро заменилось на иллюзию, она стала наливать воду, ну, и получился небольшой скандал. На техническом этаже, до суперинтенданта это всё дошло не сразу.

– Думаешь, это наш «нулевой пациент»? – спросил Торнабуони, изучавший девятнадцатую тетрадь.

– Похоже на то. Ну, или где-то совсем рядом... Июль прошлого года, семь месяцев назад, очень похоже. Конец сезона, последние спектакли, за два дня до этого прошло гала-представление с участием множества звёзд.

– Тогда надо искать в эти дни какой-то скандал.

– Ищу. Ага, вот интересная запись, от семнадцатого июля! – и она прочла вслух и даже с выражением. – «Сегодня во время прогона Ф. был пойман на использовании амулета Ллойда. Это заметил К.О. и немедленно сообщил, сперва Вел., потом мне. Пришлось расторгнуть контракт с Ф. Бедный мальчик!»

– Что такое амулет Ллойда?

– Понятия не имею. Впрочем, так же, как и о том, какова расшифровка всех этих инициалов. Но согласись, это похоже на повод к неприятностям? Все прочие происшествия, описанные нашим симпатичнейшим суперинтендантом, куда мельче.

– Похоже. А продолжения истории нет?

– Есть, двумя днями позже.

– Так читай!

Пожав плечами, Лавиния прочла:

– «Сегодня заходила С.М., просила за Ф. О том, что она мне рассказала, не стану писать даже здесь, но у меня появился повод не так жестоко наказывать мальчика. Отправил ему магвестник», – она перевернула две страницы и добавила: – Вот тут есть ещё одно продолжение. «Найти Ф. не удалось. Я отправил Б.Б. к нему на квартиру, но хозяйка сказала, что жилец уехал, даже не потребовав возратить деньги за неиспользованный месяц». Итак, загадочный Ф. исчез между девятнадцатым и двадцать вторым июля, а тридцатого числа того же месяца у уборщицы синьоры Тр. в руках оказалось ненастоящее ведро.

– Ну, мы же знаем, что *post hoc ergo propter hoc*⁴ совсем не всегда работает?

– Надо проверить. Давай читать дальше, может, найдётся ещё что-то.

И они погрузились в изучение событий непростой жизни оперного театра.

Джан-Марко первым откинулся на спинку кресла, потянулся и сказал:

– Мне не удалось найти больше ничего, что потянуло бы на повод к таким серьёзным неприятностям, как проклятие. Или мы не видим неких подводных течений.

– Да, ты прав. Наверняка внутри этого сообщества есть внутренние распри, о которых никто не знает. Да и как узнать, если ты не в курсе, о чём спрашивать?

– Знаешь, о чём бы я хотел выяснить побольше? – спросил внезапно Торнабуони. – О первом пожаре.

– Поясни.

– Вот смотри сама: тысяча семьсот шестьдесят третий год, вполне просвещённое время. Пожарные станции везде давно уже существуют, гибкий пожарный рукав как раз придумали в Дойчланде, да и магов-водников у нас полон город. Дом загорается среди дня, в обеденное время, и сгорает дотла. Слушай, я не слишком силён в стихии воды, но даже я смог бы взять несколько кубометров воды из канала и залить пожар! Как такое возможно? Надо посмотреть архивы...

– Но ведь отдела Службы магбезопасности здесь тогда ещё не было.

– Не было. Но городские-то архивы велись!

– Посмотри, – Лавиния встала и закрыла тетрадь. – А я спрошу господина Кавальери насчёт сокращений и инициалов в дневнике, да и пойду к себе в Ка’Тезоро. Что-то моя Марджори не давала о себе знать, неужели так увлеклась покупками?

– Скорее всего, твоя секретарша, как и ты, не сумела воспользоваться коммуникатором, – фыркнул Торнабуони. – Вам же вода мешает! Кстати, ты так и не сказала, чего хочет от тебя Гвискарди?

– Не сказала, – подтвердила госпожа Редфилд.

Подождав несколько секунд, последует ли продолжение фразы, Джан-Марко хмыкнул и покачал головой.

⁴ *post hoc ergo propter hoc* – после этого значит вследствие этого

– Ладно, как знаешь. И вот что, я пришлю дежурного, он проводит тебя домой. Не надо тебе сегодня идти одной по городу.

– Посмотрим, – отмахнулась Лавиния.

Ну, в самом деле, что может случиться с ней, боевым магом, в хорошо знакомом городе? Серый кот уже тёрся возле двери, жмурил жёлтые глаза.

– Прошу, синьор Бартоло, выведите нас, – серьёзно попросил Джан-Марко.

Синьор суперинтендант рассеянно попрощался с Лавинией до завтрашнего дня и погрузился в какие-то свои загадочные дела. Она вышла из парадного входа театра «Ла Фениче» и остановилась: пока они разбирались с дневниками, стемнело, и вместе с темнотой город поглотил туман. Он поднимался прямо из воды, густел на глазах, и в его мерцающей пелене, словно призраки, скользили и истаявали тёмные тени прохожих. Ближайший дом различался неясной громадой, плыл и покачивался, словно корабль, а фонари на площади не освещали даже самих себя.

– А ведь, пожалуй, при такой видимости никто за мной не придёт... – сказала Лавиния сама себе, и слова растворились, не долетев до земли.

Ледяное щупальце тумана влезло ей за шиворот; госпожа Редфилд поёжилась и щёлкнула пальцами, создавая тепловую рубашку.

– Итак, куда ж идти? – продолжала она рассуждать. – Если я правильно помню, Рио делла Весте должен быть прямо вон там, только повернуть направо и войти в эту арку... Или в тот проход? Ах, Тьма!

– Могу я вам помочь, синьора? – прозвучал рядом низкий мужской голос.

Лавиния резко повернулась и чуть не заорала, удержавшись только чудовищным усилием воли: рядом с ней на ступенях мраморного крыльца стояла безликая высокая фигура в белом балахоне и чёрной маске с длинным изогнутым носом-клювом. «Маска Чумного Доктора, – мелькнула мысль. – Вроде должно быть наоборот, маска белой, а балахон чёрным?»

– Спасибо, синьор, полагаю, я смогу найти дорогу.

Чумной Доктор поклонился и растаял в тумане.

– Госпожа командер, простите, пожалуйста, за опоздание! – молодая женщина выбежала из-за угла здания оперы. – Синьор Торнабуони просил проводить вас. Меня зовут Джулия Тедески.

– Ничего страшного, – вежливо улыбнулась Лавиния. – Я и сама только что вышла. Мне нужно в Ка'Тезоро, вы знаете дорогу?

– Это совсем рядом, госпожа командер, в эту арку и направо.

Девушка пошла рядом, принаравливаясь к шагу старшей по званию и заглядывая ей в лицо. Видно было, что ей ужасно хочется о чём-то спросить. «Почему бы нет, – подумала госпожа Редфилд. – Возможно, эта девочка заметила что-то, чего не разглядел её сиятельный начальник».

– Джулия.

– Да, госпожа командер?

– Я вижу, что у вас на языке висит вопрос. Задайте его уже.

– О-о... Можно, да? Синьора командер, вы приехали в Венецию что-то расследовать?

– Я приехала в Венецию по просьбе старинного знакомого. Возможно, что-то и придётся расследовать, но я пока в этом не уверена.

– А-а... А синьор Торнабуони сказал, что вы – самый опытный следователь в Службе магбезопасности. Мы все решили, что опять будем ловить какого-нибудь сумасшедшего мага.

Тут госпожа Редфилд вспомнила абсолютного безумца, Джокера, совсем недавно веселившегося в этом городе, и содрогнулась⁵.

⁵ История Джокера рассказана в романе «Лицо под маской».

– Хотелось бы обойтись без сумасшедших, – сухо ответила она. – И вообще, Джулия, лучше не обсуждать дела даже с коллегами.

– Да, госпожа командер, – смиренно ответила девушка. – Мы пришли. Вот Ка’Тезоро.

Поблагодарив её, Лавиния поднялась к своей квартире, открыла дверь и вошла. Было тихо, и она слегка удивилась – неужели Марджори ещё не вернулась? Но тут заметила в гостиной гору ярких пакетов, и с облегчением вздохнула.

При демонстрации третьей из купленных сумочек Марджори остановилась на полуслове, внимательно посмотрела на подругу и спросила:

– Всё не так, да?

– Не всё, – Лавиния, глядевшая в расцвеченную фонариками темноту над Гранд-Каналом, повернулась. – Не всё, но многое.

– Давай сядем, я налью вина, и ты расскажешь.

Дослушав довольно путаную историю, секретарша одним глотком допила белое вино и сказала:

– И в самом деле, пока непонятно почти ничего. Имена ты выяснила?

– Выяснила. А что толку?

– Рассказывай. И давай картинку нарисуем, что ли.

Нормальной доски у них, конечно, не было, поэтому Лавиния создала её магически.

– Итак, – сказала она, ткнув пальцем в золотистый светящийся туман, и на нём возникла картинка. – Вот театр «Ла Фениче». Выстроен на месте жилого дома, сгоревшего в тысячу семьсот шестьдесят третьем. Изображения дома, извини, нету, не сохранилось, но ты сегодня такие видела – трагедия в первом этаже, хозяева живут на втором, а третий сдают. Тогда третий этаж сдавали некоему портному по фамилии Каттанео, трактир назывался «Русалка», а владела им семья Дукальди. В живых после пожара остался этот самый портной и младшие дети трактирщика.

– Они в нашей истории дальше встречаются? Они или их потомки?

Госпожа Редфилд пожала плечами.

– Пока не знаю.

– Ладно, поехали дальше.

– Дальше... Ну, вот расшифровка тех записей, которые показали нам с Джан-Марко интересными «...во время прогона Ф. был пойман на использовании амулета Ллойда. Это заметил К.О. и немедленно сообщил, сперва Вел., потом мне. Пришлось расторгнуть контракт с Ф.» Ф. – это Франко Фальеро, драматический тенор. Пел Радамеса в «Аиде». К.О. – Карл Оттоленги, знаменитый бас. Вел. – главный дирижёр театра на тот момент, Генрих Вельтранер.

После прикосновения к доске на ней появились снимки молодого брюнета в золотом ожерелье-воротнике, красавца с седыми висками в костюме Мефистофеля и седого господина с вытянутым лицом во фраке, с дирижёрской палочкой в руке.

– А амулет Ллойда? – Марджори привычно делала пометки в блокноте.

– Одна из разработок Гильдии артефакторов Дании и Норсхольма. Поддерживает силу и звучание голоса, когда сам певец не вытягивает. Разумеется, использование этого амулета во время спектаклей строжайше запрещено Гильдией Эвтерпы⁶.

– Хм... – Марджори задумчиво почесала карандашом кончик носа. – А какое дело, собственно, басу Оттоленги до амулета, используемого тенором? Они не конкуренты ни разу.

– Великий Карл уже не так велик, по словам синьора суперинтенданта. Правда, прежде чем сказать это, Кавальери проверил все углы, даже за дверь выглянул, не подслушивает ли кто-то. Но вот тебе неприглядная правда: Карлу Оттоленги уже очень много лет, и провести

⁶ Эвтерпа – муза лирической поэзии и музыки. Гильдия Эвтерпы объединяет музыкантов, певцов и поэтов стран, входящих в Союз королевств.

целый спектакль певец не может чисто физически. Зато он основал школу, и своих учеников буквально тащит к вершинам славы.

– Надо полагать, среди этих учеников есть и тенора?

– Именно так! И если можно устранить конкурента таким простым способом, то почему ж им не воспользоваться?

– Слушай, но ты ведь тоже тащишь своих студентов за собой!

– Да? – Лавиния прищурилась. – И куда? К лавровым венкам Парнаса? Нет, дорогая, мои ученики месят болота Зелёного Эрина, чтобы научиться нейтрализовать банши, и продираются сквозь джунгли Квазулу-Наталя для повторения методик колдунов. Я не говорю уже о лабораториях, дуэлях на полигоне и попросту ежедневных пробежках. Мои ученики, ха! – в волнении она поднялась и теперь расхаживала по гостиной. – Умения моих студентов – это вопрос жизни и смерти, причём жизни или смерти не только конкретного мальчика или девочки, но и тех, кто сам не может себя защитить!

Дождавшись конца этой пафосной фразы, Марджори спокойно глотнула вина и сказала:

– Ты так горячишься, будто это тебя обвинили в протекционизме. Не забывай, для того же драматического тенора Франко Фальеро именно опера является вопросом жизни и смерти.

– Ну, да, – вяло ответила Лавиния. – Ты права.

Она снова уселась, и откинулась на спинку кресла. Почему-то вдруг навалилась усталость – или это туман вполз в приоткрытое окно и долил безнадёжности в разговор?

Меж тем её секретарша просмотрела записи и наморщила лоб:

– Что-то мне напоминает эта фамилия, Фальеро... Не могу вспомнить.

– Всплывёт, когда перестанешь об этом думать.

– Ну, да, согласна... Хорошо, там был ещё какой-то фрагмент разговора, расшифруешь?

– Собственно, это уже почти всё. «Заходила С.М., просила за Ф. О том, что она мне рассказала, не стану писать даже здесь, но у меня появился повод не так жестоко наказывать мальчика. Послал ему магвестник», – Лавиния, не глядя, ткнула пальцем в доску; появившаяся картинка изображала красавицу-блондинку с огромными голубыми глазами. – Соня Мингард, сопрано. Я с ней немного знакома, и могу с уверенностью сказать – очень хорошая женщина. Вот просто хорошая, и всё. Что именно она рассказала Кавальери о нашем теноре, суперинтендант мне так и не сообщил, но это было достаточно весомо, чтобы возобновить контракт и оправдать это перед Гильдией. Имя уборщицы, полагаю, нам пока не нужно?

– Не знаю... – Марджори задумчиво смотрела в окно. – Я вспомнила, кстати. Был такой дож, Марино Фальеро, которого казнили за предательство интересов Венеции.

– Когда?

– Не помню. Как ты думаешь, это может иметь отношение к проклятию?

Лавиния покачала головой.

– К проклятию может иметь отношение что угодно, потому что логики в этом магическом воздействии чаще всего просто нет. Но, если дело действительно в давно умершем доже, то при чём здесь театр?

– Надо выяснить даты, а там посмотрим.

– Посмотрим... – госпожа Редфилд встряхнулась. – Пойдём-ка в какую-нибудь трактирию и поужинаем. Выпьем вина, закажем жареной на гриле рыбы...

Часть 2

"S'agita in mezzo all'onde" ("Aci, Galatea e Polifemo", George Frideric Handel)

"По воле волн" (из оперы Генделя "Ацис, Галатеея и Полифем")

Проснулась Лавиния от запаха кофе и свежесдобытой выпечки.

Похоже, день начинался неплохо, вчерашняя апатия исчезла без следа, от истребованного у начальства отпуска оставалась ещё неделя, а в оперном театре её ждала хорошая, полноценная загадка. Чего ещё желать немолодой магичке? Разве что солнца за окном.

Открыв глаза, она удостоверилась, что и это пожелание исполнилось: лучи золотили серую стену дома напротив. Окно там было распахнуто настежь, и Лавиния слышала, как женский голос исполняет какую-то невероятно красивую арию под аккомпанемент рояля.

«Хм, в том здании квартируют артисты «Ла Фениче»? – подумала она. – В принципе, это естественно, прямо напротив театра. Впрочем, не моё дело. Спасибо этой даме и её контральту за такое начало дня!»

Марджори уже позавтракала и отбыла в новый поход по магазинам и лавочкам. Отдав должное булочкам, свежесдобому маслу и копчёной рыбе, госпожа Редфилд отправила пару магвестников, надеясь, что внезапный порыв ветра из лагуны не поднимет водяную пыль, и белые птички сумеют долететь до места назначения.

Первым ответил архиепископ.

Засигналил коммуникатор, и монсиньор Гвискарди во всей красе – фиолетовый шёлк, шляпа с кистями, золотое пенсне – отразился на экране.

– У вас есть новости, синьора командер?

– Пока скорее вопросы, монсиньор. Хотелось бы встретиться.

– Так же, как и вчера, в три часа пополудни, вас устроит?

– Вполне.

Распроставшись, Лавиния отложила коммуникатор и задумчиво уставилась в окно.

«Итак, куда меня тянет чутьё? Смешно сказать, но в Медиоланум. Карл Оттоленги встретился в этой истории уже дважды. Такая ли он значительная фигура, чтобы его было видно за каждым фактом? Надо бы с ним поговорить... В конце концов, до Медиоланума один переход порталом. Предположим, час я пробуду там, и до встречи с Гвискарди ещё успею заглянуть в здешний городской архив и разобраться, отчего при фамилии Фальеро моя секретарша начинает нервничать? Тьма, мне нужен Джан-Марко! Неужели магвестник до него не долетел?»

Старательно, словно первокурсница, она заново создала птичку и закусила губу, отправляя её в полёт. То ли на сей раз воды лагуны были благосклоннее, то ли ветерок оказался попутным, но уже через пару минут через открывшееся окно портала в комнату шагнул глава венецианской Службы магбезопасности.

– Звала? Извини, после первого вестника сразу откликнуться не мог, был на допросе. Так что получил сразу оба.

Госпожа Редфилд кивнула: допросные в Службе были разные, в том числе и выложенные орехалком, минералом, поглощающим магию.

– Серьёзное дело? – поинтересовалась она.

В ответ Джан-Марко лишь махнул рукой.

– Очередной монах, поехавший крышей на почве целибата и решивший усмирять плоть магически. Но не свою, а грешников. Вовремя взяли, но двоих он всё-таки успел убить. Ладно, это неважно. Рассказывай.

– Что ты знаешь о Карле Оттоленги?

– О ком? – чуть не поперхнулся Торнабуони.

– Оперный певец.

– А-а, этот. Ну да, у тебя ж оперная история... Да почти ничего, собственно говоря. В поле зрения магбезопасности он никогда не попадал. Знаю, что он из числа тех звёзд, которые мчатся из одной страны в другую ради единственного спектакля, и получают за это суммы, на которые можно было бы купить палаццо.

– Ладно, – покладисто кивнула Лавиния. – Тогда другой вопрос, даже два: во-первых, не живёт ли в Венеции какая-нибудь бывшая оперная прима, желательно, потерявшая голос и всеми забытая?

– А ключи к сокровищнице дожа ты не хочешь получить?

– Не-а. Ключи к сокровищнице мне совершенно ни к чему. И второй вопрос – помянутый Оттоленги лёг на срочную операцию. Куда и по какому поводу? Мне бы не хотелось разыскивать его в Медиолануме по всем тамошним клиникам.

Джан-Марко саркастически усмехнулся:

– По второму – сообщу через полчаса после того, как ты меня отпустишь. По первому ничего не могу сказать, надо подумать.

– Если б я была в Лютеции, я бы тебе такую старуху нашла мигом, только попроси! Всегда знала, что этот город только прикидывается цивилизованным, – не удержалась Лавиния от шпильки.

– Ну, полагаю, что бывшая оперная певица в Лютеции может знать и венецианские сплетни. Желаете вернуться? Я открою тебе портал! – не менее язвительно улыбнулся Торнабуони.

– Спасибо, но – нет. У меня сегодня важное светское мероприятие! – тут она выдержала паузу, дождалась, пока брови бывшего ученика поползут вверх, и добавила: – Полдник с монсиньором Гвискарди. А теперь иди, и я жду информацию. Ах, да, ещё меня интересует бывший дож Марино Фальеро и судьба его потомков.

Тут Джан-Марко, уже собравшийся открывать порталное окно, разжал пальцы, потёр ладони и очень вежливо поинтересовался:

– А это тебе зачем?

– Есть подозрения, что наш исчезнувший певец Ф., он же драматический тенор Франко Фальеро принадлежит к этому роду. А значит, нужно исследовать эту ниточку до конца.

– Ну ладно... Но это ж надо перекапывать архив! Слушай, а у тебя был такой помощник с даром архивариуса, как его? Дюпен, Дюкан, Дюкасс – его нельзя вызвать?

– Жак Дюпон, – усмехнулась Лавиния. – Нет, нельзя. Дюпон командирован в Нувель-Орлеан, там в библиотеке магической школы крупная недостача в закрытом отделе. Так что в архив – сами, всё сами. Но обещаю, что это последняя просьба!

– Не очень-то я тебе верю... – пробурчал Джан-Марко, открывая портал. – Сейчас сообщу, в какой клинике Медиоланума надо искать Оттоленги, подожди минуту.

Клиника «Motta di Livenza» стояла в прекрасном парке совсем недалеко от замка герцогов Сфорца. Несмотря на январь, парк был почти зелёным: пинии, кипарисы, рододендроны не собирались сдаваться холодному северному ветру. Поёжившись, госпожа Редфилд рысцой добежала до широких стеклянных дверей главного входа и поскорее нырнула в тепло. «Сколько ни активируй согревающее заклинание, а ветер всё выдует», – подумала она с досадой.

Хорошенькая брюнетка поинтересовалась целью визита и, услышав, что дама желает поговорить с синьором Оттоленги, сразу сурово покачала головой.

– Извините, но он только вчера перенёс операцию. Поэтому любые посещения запрещены.

– Хорошо, – не стала спорить Лавиния. – Тогда проводите меня к вашему главврачу. Профессор Ди Майо, я не ошибаюсь?

– Я... узнаю, – с сомнением покачала головой брюнетка. – А по какому вопросу?

Увидев развёрнутое удостоверение Службы магбезопасности с горящей зелёным магической печатью, она вздохнула, укоризненно глянула на предъявившую документ даму и взяла в руки коммуникатор.

Лавиния отошла, чтобы не смущать девушку ещё больше и пробурчала себе под нос:

– Можно подумать, я ворвалась сюда впереди отряда орков и разнесла вдребезги мраморные колонны! Всего-то захотела поговорить с местным начальством.

– Госпожа Редфилд! – окликнул её голос, звенящий недовольством. – Вас примут, у синьора профессора всего пятнадцать минут, прошу его не задерживать. Вот, Антонио вас проводит.

Антонио возвышался над стриженной макушкой Лавинии на полметра, а шириной плеч напоминал циркового борца-тяжеловеса. Впрочем, всё это её уже мало интересовало, потому что где-то внутри тихо звенело предчувствие удачи. Пусть маленькой, но – удачи.

Ди Майо вышел ей навстречу с распостёртыми объятиями. Госпожа Редфилд уворачиваться не стала, было любопытно, к чему это. С профессором они были знакомы не так давно и не так близко, так что всему должны найтись объяснения.

– Лавиния, вы просто предвосхитили мои действия! – сообщил Ди Майо, усадив её в кресло и приказав секретарше подать кофе. – Я как раз собирался вас искать.

– Да? Для чего? У вас в клинике кто-то применил недозволенные магические методы?

– Нет, что вы! Просто у меня для вас информация. Сообщение. Вы, конечно, уже забыли, что пару лет назад во время сложной операции вы присутствовали в качестве наблюдателя. Но я напомню: вы тогда мне помогли, создали и использовали особо тонкие воздушные лезвия. А по окончании операции великодушно поделились их формулой⁷.

– Что-то такое припоминаю... – медленно проговорила Лавиния.

Операцию и всё, что творилось потом, она не забыла. Вот только зачем это сейчас понадобилось Ди Майо?

– Так вот, я оформил патент на использование этой технологии, разумеется, на ваше и моё имя. У меня были сомнения, но... на данный момент эта технология используется уже в ста семнадцати клиниках! Могу сообщить вам, что хорошие хирурги практически полностью отказались от других способов. Ну, а вот здесь... – он раскрыл папку и положил её перед госпожой Редфилд. – Здесь вы можете видеть поступление средств на специальном счёте. Это – ваша половина.

Цифра выглядела очень, очень внушительно. Так внушительно, что оценила даже госпожа Редфилд, денег у которой было более чем достаточно.

– Спасибо, Родерико, – сказала она искренне.

Секретарша вошла с подносом и расставила перед ними тонкие фарфоровые чашечки, серебряный кофейник, под донышком которого тлел синий огонёк магического нагрева, вазочки с печеньем и конфетами, сливочник...

Глянув на часы, Лавиния поняла, что минуты, отпущенные её суровой брюнеткой, практически истекли.

– Слушайте, у вас же следующая встреча, или операция, или консультация? – спросила она. – Меня строго предупредили...

– Ерунда, – махнул рукой Ди Майо. – Совещание с главами отделений, проведёт мой заместитель. Их я встречаю почти ежедневно, а вас не видел уже сколько? Года два?

– Примерно так, да.

Они помолчали, наслаждаясь кофе, потом профессор решительно отставил чашку и спросил:

⁷ Эта история рассказывается в романе «Лицо под маской»

– Итак, что вас привело в Медиоланум?

– Один из ваших пациентов. Синьор Оттоленги стал так часто упоминаться в моём расследовании, что я почувствовала необходимость с ним встретиться.

– Ах вот оно что... – пробормотал Ди Майо, нахмурясь. – Ну, Карл перенёс операцию. Он ещё слаб...

– Родерико.

– А?

– Не надо. Вы даже сами не верите в то, что сейчас сказали. Напоминаю, что я хоть и слабый, но менталист, а уж при столь откровенном вранье у вас в ауре такая буря начинается!

– Не вышло, да? – огорчённым он не выглядел, посмеивался. – Вот и в детстве мне мама говорила, что когда я пытаюсь врать, у меня уши светятся.

– Так расскажите мне, чем болен синьор Оттоленги, и что его беспокоит.

– Чем болен? Так вот сразу и не ответишь...

– А вы попробуйте! Начните с начала, а дальше как пойдёт.

– В свое время... Давно, ещё в начале карьеры, Карл повредил ногу во время спектакля. Разрыв связок коленного сустава, очень болезненно, и единственный способ восстановить нормальную подвижность – артроскопическая пластика.

Лавиния нахмурилась:

– Пару раз я видела его на сцене, и двигался он нормально, не прихрамывал.

– Да, вы правы. Ему тогда же, сорок лет назад, и сделали эту операцию. А вот сейчас Карл пришёл ко мне с жалобой на то, что колено болит, после каждого спектакля – особенно сильно.

– И?

– И я провёл обследование, – Ди Майо потёр переносицу и вздохнул. – На мой взгляд, там полностью всё восстановилось, и болеть не может. Ну, или это фантомные боли, которым не с чего было сейчас появляться...

– Или синьор Оттоленги попросту обманывает, – закончила госпожа Редфилд.

– Боюсь что так.

– Хорошо. Чем великий певец болен, вы мне рассказали. А что его беспокоит?

– Не знаю. Он не выходит из своей отдельной палаты, даже в наш парк. Он не принимает посетителей, не активизирует коммуникатор, отсылает букеты и сладости, отказался встречаться со своим агентом и с аккомпаниатором. Правда, регулярно получает магвестники, это отслеживается системой охраны клиники, но тут, сами понимаете, можно лишь отметить факт.

– Понятно, – кивнула Лавиния. – Ну что же, ведите.

– Куда?

– В ту самую отдельную палату, Родерико!

– Но, Лавиния, я же сказал, он отказывается принимать посетителей!

– Мой дорогой профессор, это расследование незаконного применения магии. Синьор Оттоленги может отказываться от чего угодно, но мне нужно с ним поговорить. Для него же будет лучше, чтобы это не превратилось в необходимость его допросить. Я понятно формулирую?

– Вполне, – буркнул Ди Майо.

– Как я поняла, встреча не нанесёт непоправимого вреда его здоровью или драгоценному голосу, застрахованному на двести тысяч дукатов? Не нанесёт. Всё остальное – к психотерапевтам.

В приёмной профессор бросил свирепый взгляд на разлетевшуюся с вопросами секретаршу и велел все встречи на этот день отменить. Потом посмотрел на госпожу Редфилд и расплылся в улыбке:

– Маддалена, подайте синьоре командеру свежий халат! – полюбовался получившейся картинкой. – Ну вот, отлично... Вам очень идёт, синьора командер.

Халат похрустывал. Лавиния одёрнула его и спросила:

– Я похожа на мясника?

– Ну что вы, на самого лучшего патологоанатома!

И оба расхохотались.

Отдельная палата располагалась на верхнем, шестом этаже здания, и доставлял туда особый лифт. Ди Майо приложил ладонь к сканеру и вполголоса проговорил несколько слов на квенья. Госпожа Редфилд стоически удержалась от смеха.

Впрочем, дежурный на шестом этаже – кажется, брат-близнец шкафоподобного Антонио – дремал, устроившись в удобном кресле. Пустой коридор тонул в полумраке, выходящие в него двери были закрыты.

– Здесь вообще кто-то есть, кроме... искомого пациента? – спросила Лавиния.

Она постаралась говорить тихо, но, даже приглушённый, голос её заметался эхом по углам. Дежурный вскочил и ошалело заозирался.

– Спите, Пьетро, спите, – ласково проговорил профессор. – Мы на минуточку.

Знаменитый бас лежал на кровати, закинув руки за голову, и в сторону хлопнувшей двери едва глянул. Впрочем, увидев, что главный врач клиники явился к нему не один, Оттоленги встал и сложил руки на груди.

– Я не давал согласия на встречу, – произнёс он.

Лавинии показалось, что от низких нот его голоса у неё волосы на затылке поднялись дыбом.

– Боюсь, синьор Оттоленги, что у профессора Ди Майо не было возможности со мною поспорить, – сказала она сухо. – Но я обещаю не задержать вас надолго...

Тихонько хмыкнув, певец жестом предложил Лавинии стул, сам же уселся на кровать.

– Итак, синьора?..

– Коммандер Редфилд, Служба магической безопасности, – отрекомендовалась она. – Я работаю над делом о незаконном магическом воздействии, и хотела бы задать вам несколько вопросов.

– Прошу вас.

– Вы разорвали контракт с театром «Ла Фениче» и выплатили ему значительную неустойку. Почему?

– Это моё личное дело.

– И всё же я прошу вас ответить.

– Повторяю: это моё личное дело. Предположим, тамошняя влажность плохо влияет на мои голосовые связки. Или мне не понравился цвет сидений в зрительном зале, он меня раздражал. Если я правильно помню свои права, вы не можете заставить меня отвечать на такие вопросы.

– Не могу, – согласилась госпожа Редфилд. – Зато могу повторять их снова и снова, формулируя иначе. Ещё могу задержать вас на сорок восемь часов ввиду высокой общественной опасности расследуемого преступления. Хотите?

Разумеется, она блефовала: пока что никакого официально заведённого дела не существовало, так что о степени его опасности и речь не могла идти. Но Лавиния всей кожей чувствовала, что наткнулась на крупную гадость, такую крупную, что, если её не нейтрализовать, это аукнется далеко за границами Венеции.

– Я болен, – возразил Оттоленги. – Вы не можете так обращаться с больным человеком.

– Вы здоровы, – пожала она плечами. – Но чего-то очень боитесь. Так дайте мне, Тьма вас побери, избавить вас от причины этого страха! И отправляйтесь себе... где там у вас следующий спектакль? В Монакуме? Вот туда.

– Не смейте меня осуждать!

– И не думала даже. Ответьте на мои вопросы, и я немедленно освобожу вас от своего присутствия.

Встав, знаменитый певец прошёлся по палате, остановился у окна, постучал пальцами по подоконнику и, наконец, резко развернулся к незваной гостье.

– Вы так уверены в том, что сумеете... справиться с проблемой?

Лавиния вновь пожала плечами.

– Доселе справлялась. Вряд ли в «Ла Фениче» засело что-то страшнее созревшего гуля или прошедшей полный круг тёмной ведьмы. Да и потом – я ведь не одинокий ковбой, за моей спиной { *Служба* }.

– Хорошо... Хорошо. Слушайте... – Оттоленги снова уселся на кровать, переплёл пальцы и глубоко вздохнул. – Вы были правы, я разорвал контракт и уехал из Венеции, потому что испугался. Поймите меня, я не маг! У меня есть слабая магия воздуха, но этим обладают практически все оперные певцы. Моего резерва хватало всю жизнь на то, чтобы петь... Ну, ещё могу фонарик зажечь, – в доказательство он щёлкнул пальцами, заставив загореться тусклый синеватый огонёк. – Я пришёл на первую репетицию в «Ла Фениче», начал работать, и не сразу обратил внимание на то, что с моими глазами происходит что-то странное.

– Не главный для вас рабочий орган, – понимающе кивнула Лавиния.

– Вот именно.

– И что же происходило? Ухудшилось зрение?

– Нет, вовсе нет! Я бы сказал даже, что оно слегка улучшилось, раньше мне приходилось активировать артефакт для того, чтобы смотреть в партитуру... – тут он слегка смутился. – Ну, вы понимаете, очки бы не вписывались в образ.

– Конечно.

– Так вот, я обнаружил, что вижу странные размытые пятна вокруг человеческих фигур.

– Только человеческих?

Тут Оттоленги на минуту задумался.

– А Тьма его знает! – изрёк он наконец. – Не попались мне ни эльфы, ни гномы в этом театре.

– То есть, вы стали видеть ауры?

– Получается, так.

– А сейчас видите? – Лавиния незаметно сжала в кармане записывающий кристалл, чтобы активировать его.

– Нет. Это происходило только на территории «Ла Фениче».

– Во всех его помещениях?

– Во всех, где я бывал. В костюмерный цех или к декораторам я не заходил.

– Понятно. И что же вас смутило? Ауры видят многие, практически все маги, у кого резерв выше двенадцати единиц и кто умеет переходить на магическое зрение.

– Разумеется! Только мой резерв выше восьми никогда не был. И кроме того, дело не в ауре. Это бы меня не испугало. Дело в том, что я... как бы это объяснить... я понял, что могу по ауре прочитать, что человек скоро умрёт. И вот это оказалось страшно.

Тут госпожа Редфилд подобралась: способности «вестника смерти» не встречались уже лет триста. Ну, или маги, обладавшие такими способностями, их старались не афишировать, что, в общем, можно понять – мало кому понравится общаться с приятелем, точно знающим дату твоей кончины...

– Очень интересно, синьор Оттоленги, – сказала она мягко. – Опишите, пожалуйста, что именно видели?

– Пятна в ауре. Такое неприятное коричнево-чёрное, будто жирное, скользкое пятно. Как я понял, чем ближе оно к физическому телу, тем ближе дата смерти. В первый раз я заметил это у одного из рабочих сцены, мы столкнулись в кулисах. А на следующий день он упал замертво,

сообщили, что оторвался тромб. В общей сложности, я видел такое пять раз, со второго случая стал понимать, в чём дело. А на пятом сбежал.

– И все пятеро мертвы?

Певец помотал головой; он был бледен и тяжело дышал, и выглядел, словно из него вытащили позвоночник.

– Нет. Пятый... Я заметил эту метку у Бруно, ну, у суперинтенданта Кавальери. Далеко. На самом краю видимой части ауры, если можно так выразиться. Если бы я понимал, что будет причиной смерти, я бы предупредил, конечно! А просто так сказать хорошему знакомому – мол, ты, дорогой мой, через пару недель отправишься в мир иной, если таковой существует... Я так не могу.

– И вы уехали.

– И я уехал.

Оба помолчали, потом госпожа Редфилд спросила:

– Когда это было?

– Две недели назад. Если совсем точно – пятнадцать дней.

– Двадцать шестого декабря, – посчитала Лавиния. – Вчера вечером господин суперинтендант был весьма бодр и деятелен.

Оттоленги лишь пожал плечами.

– Мы закончили на этом?

– Последний вопрос. Почему вы посчитали нужным сообщить в Гильдию Эвтерпы о том, что Фальер использовал амулет?

– Потому что это запрещено, и, между прочим – не по пустой прихоти. Потому что такой амулет даёт своему владельцу звук, широту диапазона, силу голоса, но это ведь не берётся из пустоты, вы согласны? Да, в своё время Соня Мингард вынужденно использовала амулет Ллойда после болезни, это было. Но, во-первых, она выступала только в сольных концертах, а во-вторых, сообщила об этом во всеулышание.

– Понимаю, – вынуждена была согласиться госпожа Редфилд.

– Ну, и не последняя причина – использование этого амулета вызывает привыкание. Та же Соня жаловалась мне, что после отказа от него ей полгода казалось, что голос звучит не так: тускло, слабо, вообще кишками поёт... Достаточно этих причин?

– Вполне, благодарю вас.

Но разволнованный Оттоленги никак не мог успокоиться. Вскочил с кровати, заходил по палате, рубя воздух ладонью.

– О, я знаю, любой порядочный человек с презрением относится к доносчикам! Я и сам такой, поверьте. Но очень трудно определить, где заканчивается подлое доносительство и начинается... ну, назовём это помощью. В том числе и самому Фальеру! Где он теперь, кстати? – резко остановился певец.

– Неизвестно.

– Насколько я помню, у него было приглашение в оперный театр в Палермо, он мне показывал ещё до... Ну, вы понимаете. Возможно, всё-таки поехал туда?

Поблагодарив ещё раз. Лавиния откланялась.

Она и сама не знала, зачем задавала последний вопрос – в конце концов, какая ей была разница, по какой причине великий бас счёл нужным донести на начинающего тенора? Но отчего-то это показалось важным, и госпожа командер, поморщившись, сложила данный факт на полочку.

Пригодится.

Ровно в три часа она поднялась по мраморной лестнице Ка'Тре Фонтани. Знакомый уже сухощавый немолодой секретарь провёл её всё в ту же малую столовую, где над уставленным

яствами столом возвышалась пышная фигура в фиолетовом шёлке. Архиепископ потёр пухлые ладони со словами:

– Госпожа командер, рад видеть вас! Прошу, садитесь и составьте мне компанию!

После двух порталных переходов практически подряд, с разницей в два часа, Лавинию слегка подташнивало, поэтому она ухватила ломтик солёной и острой горгонзолы, обмакнула в мёд и сунула в рот.

– Полегчало? – ухмыльнулся Гвискарди. – Что же, а теперь приступим.

Трапеза проходила в молчании.

О чём думал визави, Лавиния не знала, он вообще был человеком неожиданным. Её же мысли крутились вокруг подаренной Карлу Оттоленги способности вестника смерти. Или лучше сказать не «подаренной», а «навязанной». В общем-то, и вправду в такой способности большой радости нет... Неужели сказанное им правдиво, и симпатичного синьора суперинтенданта ждёт смерть в ближайшее время? Можно ли его спасти? А как? Если бы знать, что с ним случится... Но в том и ужас этого дара, что вестник знает лишь событие и сроки, но не причины.

– Итак, госпожа командер, – провозгласил архиепископ, отодвигая от себя мисочку, в которой была ранняя клубника. – Удалось ли вам что-то узнать?

– Удалось, – кивнула Лавиния. – Ничего хорошего сказать не могу. Да, в «Ла Фениче» действует некое непонятное мне пока проклятие. Пока, – подчеркнула она. – Сейчас я вернусь туда, и буду продолжать изучение его. Если ничего не найду, то завтра вызову коллег, и расследование из частного станет официальным. Девочка ваша...

– Лаура.

– Да, Лаура... Если у неё есть другие предложения, о которых стоит говорить – пусть их рассмотрит. Если нет, пусть репетирует. В конце концов, сколько ей лет?

– Двадцать два.

– Вполне можно потерпеть с великим дебютом.

Гвискарди покорно склонил голову.

– Может быть, нужна какая-то помощь?

– Ну-у... – задумалась госпожа Редфилд. – В архив я не попала, скажите мне вот что: о чём напоминает вам фамилия Фальер.

– Фальер? – Гвискарди был всерьёз озадачен.

– Да, или Фальеро, как желаете.

– Ну, прежде всего, это дож, казнённый за предательство интересов Серениссимы, Марино Фальер. Других ассоциаций, пожалуй, так сходу и не приходит.

– Вот как. И в каком году это было?

– Не помню. Вы же понимаете, среди дож не было людей без магических способностей, и жили они все долго.

– Кроме упомянутого Марино Фальера, – уточнила Лавиния.

– Ну, к моменту казни ему тоже было лет двести. С хорошим хвостиком. Так что Марино вовсе не был таким уж юным.

– И всё же хотелось бы знать дату, может быть, ваш секретарь может уточнить?

Секретарь, разумеется, мог, на то он и существовал. И через несколько минут госпожа командер была озадачена: отстранение от должности произошло в середине тысяча семьсот шестьдесят третьего года, и преемником стал Альвизе Мочениго. Казнили Фальера двумя годами позже.

«Семьсот шестьдесят третий! – крутилось у неё в голове. – И первый пожар на месте театра был тогда же. И что, эти события связаны, или это просто совпадение? Да ладно, где это виданы такие совпадения?»

– Благодарю вас, монсиньор, – она решительно поднялась. – Я сообщу вам о результатах сегодняшней работы завтра утром. И, если хотите, в случае начала официальной работы по делу я не буду упоминать о том, что именно вы меня пригласили.

– Что уж теперь, – Гвискарди махнул рукой. – Половина города уже в курсе этого, а вторая узнает завтра.

Личная лодка монсиньора довезла госпожу Редфилд до причала на Рио делла Весте, и она на минуту остановилась в задумчивости. Идти напрямиком в театр, или вначале заглянуть в квартиру? Марджори может оказаться на месте, надо выдать ей пару поручений. А иначе какой смысл возить с собой секретаршу? И она свернула к Ка'Тезено.

– Я нашла для тебя отличные ботинки! – встретила её Марджори радостным восклицанием.

– Зачем мне ботинки? – рассеянно удивилась Лавиния, копаясь в вытащенной из пространственного кармана шкатулке с амулетами. – Я ж недавно покупала...

– Это было почти десять лет назад, – поджала губы женщина. – И ты их уже дважды соглашалась выкинуть. А потом отбирала у Бакстона и снова приказывала ремонтировать.

– Но они удобные!

Найдя, наконец, то, что искала – бледный голубоватый камень в оправе из трёх металлов разного цвета – она сунула его в карман куртки и убрала шкатулку.

– Значит, так, – повернулась госпожа Редфилд к секретарше. – Покупки меня не интересуют. Если ботинки, шляпки или ещё какие-то предметы тебе нравятся, ты можешь их купить, для себя или для меня, мои размеры ты знаешь. Я не буду тратить на это время и место в мозгах. Это понятно? – Марджори молча кивнула. – Далее: найди мне в Лютеции какую-нибудь вышедшую в тираж оперную певицу, готовую поговорить и посплетничать. Важно, чтобы она выступала когда-то здесь, в «Ла Фениче». Если найдёшь не одну, получишь премию.

– Только в Лютеции?

– Где угодно, но в радиусе одного, максимум двух портальных переходов.

– Понятно, – Марджори сделала пометку в невесть откуда появившемся блокноте. – Ещё что-то?

– Меня интересует казнённый дож Марино Фальер.

– Ага! – перебила секретарша. – Не зря я всера о нём вспомнила, был такой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.